

Самая горячая детективная

В. Гусев

Ворюга в клеточку

ЧЕРНЫЙ КОТЁНОК РЕКОМЕНДУЕТ

Дети Шерлока Холмса

Валерий Гусев

Ворюга в клеточку

«ЭКСМО»

2003

Гусев В. Б.

Ворюга в клеточку / В. Б. Гусев — «Эксмо», 2003 — (Дети Шерлока Холмса)

Знали Дима и его брат Алешка, что их приятель враль, каких мало, но на этот раз он превзошел самого себя. Это ж надо до такого додуматься – будто видел собственными глазами, как по небу летит... Карлсон, который живет на крыше! Тут бы поднять фантазера на смех, да только папа, полковник милиции, недавно рассказал ребятам, что в городе появилась какая-то неизвестная науке птица, очень похожая на сову. Но со странным оперением... в клеточку, которая ворует ценные вещи исключительно у обеспеченных иностранцев. Конечно, звучит невероятно, но что, если этот таинственный летающий ворюга... и есть Карлсон?! "Но откуда он взялся?" – недоумевают братья. Чудеса, да и только! Однако они не привыкли пасовать перед загадками. Надо будет – справятся и с чудесами!..

© Гусев В. Б., 2003

© Эксмо, 2003

Содержание

Глава I	5
Глава II	12
Глава III	17
Глава IV	21
Глава V	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Валерий Гусев

Ворюга в клеточку

Глава I

Не хочешь? Не надо!

Вечером мама уселась за кухонным столом с калькулятором. Наверное, решила подсчитать рыночные расходы или наши двойки за последнюю неделю. И в том, и в другом случае нам не светило ничего хорошего.

Поэтому мы, на всякий случай, постарались продемонстрировать маме, какие мы послушные и примерные детки. Алешка так включил пылесос, что соседи снизу сразу же застучали в свой потолок лыжами – швабру они уже сломали на прошлой неделе. А я взялся чинить кран в мойке: закатал рукава и разложил на столике инструменты.

Но оказалось, что старались мы напрасно – тревога ложная. Мамины репрессии были направлены не против нас.

– Вот, – сказала она грустно, закончив свои загадочные подсчеты. – Еще семь лет, два месяца и сорок дней.

Алешка тут же ее поправил, загоняя ненужный пылесос в кладовку:

– Три месяца и десять дней. А зачем?

– А затем! Папе до пенсии еще семь лет. Когда же это кончится? Вот! – и мама указала на часы: – Одиннадцать вечера, а он все еще на работе. В субботу, имейте в виду! Мог бы в это время сводить жену в театр, а детей в зоопарк!

Здорово! Одной рукой маму в театр, другой – нас в зоопарк. В одиннадцать часов. Класс! Разбудили бы всех зверей и смотрели, как они зевают своими пастьми и клювами.

В это время звякнуло в дверь. Мы с Алешкой весело перемигнулись: ну сейчас ему будет!

Но ничего ему не было. Папа пришел такой усталый, что мама погладила его по голове и сразу же стала собирать на стол.

– Ужинали? – спросил нас папа машинально, наливая себе кофе. – А почему не спите?

– Тебя ждали, – сказала мама. – А тебе еще до пенсии семь лет...

– ...Два месяца и сорок дней, – дополнил папа. – Даже не верится. – Он сделал глоток и сказал: – А пошли в зоопарк.

Мама сняла со стенки часы и сунула ему под нос:

– Лучше в театр.

– Нет, – папа подумал, снял очки, потер нос. – Нет, лучше в зоопарк. Завтра утром.

На всякий случай мы пожелали ему спокойной ночи и пошли в свою комнату. Как примерные деточки.

– Эй! – крикнула мама. – А кран? Вода хлещет.

Я и забыл, что старый кран я вывернул, а новый не поставил.

– Завтра утром, дорогая мамочка, – пообещал я. Как вежливый и послушный.

А ведь утром мы в самом деле пошли в зоопарк.

– А кран? – безнадежно сказала нам вслед мама. – А театр? Ведь вода хлещет.

В зоопарк мы пошли с удовольствием. Во-первых, большая редкость, да еще с папой. Во-вторых, зверей посмотреть. В-третьих, крокодилов. Возле которых папа с мамой объяснились в любви. Лет пятнадцать назад. Какие они теперь, эти крокодилы?..

И пусть там, в театре, вода хлещет.

Но мы немного разочаровались. Папе совершенно ни к чему были крокодилы, он потащил нас ко всяким птицам. Вот это скукота. Даже жалость. Сидит какой-нибудь нахохлившийся орел с тоскливыми желтыми глазами и мечтает взмыть в небо... Впрочем, все они, наверное, мечтают о чем-то подобном. А если задуматься – то и люди тоже.

Но у папы был какой-то свой интерес. Он несколько раз спрашивал у служителей зоопарка: а где у вас совы? А когда подошел к вольере, где спали на сухих деревьях эти самые совы, то вдруг напугал девушку в синем халате, которая скребла бетонный пол железной лопатой:

– У вас есть клетчатые совы?

– Какие? – девушка широко раскрыла глаза и уронила лопату. Спящие совы (все как одна не клетчатые) вздрогнули, на мгновение распахнули свои прекрасные глаза и сердито повернули головы к задней стенке. А девушка уже пришла в себя и ехидно спросила папу: – Вам в какую клетку надо? В косую?

– В прямую, – серьезно ответил папа. – Желто-коричневую, с зеленой полоской наискосок.

Мы с Алешкой отодвинулись от него подальше, на всякий случай. А девушка не испугалась – она за сеткой была. И от солнечных лучей – сама в косую клетку.

Девушка подошла поближе и тихо сказала:

– Насчет клетки, гражданин... Я сейчас милицию вызову.

– Не надо, – грустно сказал папа. – Мы сами милиция.

– Оно и видно. – И девушка грозно подняла свою лопату.

Папа вздохнул:

– Пошли мороженое есть.

– В клетку? – спросил Алешка.

– В линейчку, – ответил я.

Но папе было не до шуток.

– Понимаете, друзья мои, – сказал он, когда мы уселись за столик под желтым зонтом, – странные дела творятся в нашем городе...

– Ну, не только в нашем, – постарался успокоить его Алешка.

– Нет, к счастью, эти странные вещи творятся пока только в одном городе...

Алешка навострил уши. И не зря.

– ...Представляете, – продолжил папа, ковыряя ложечкой мороженое, – у некоторых граждан, как правило у обеспеченных иностранцев, стали пропадать ценные вещи – золотые кольца, цепочки, броши. Даже доллары. Кто-то их крадет и бесследно исчезает.

– Жулики, наверное, – подсказал Алешка.

– Я тоже так думаю, – улыбнулся папа. – Только очень странные жулики. Невидимки какие-то. Двери не взламывают, окна не разбивают, а вещи пропадают.

– А форточки? – спросил Алешка, забыв про «клетчатое» мороженое.

– Да какие там форточки! – отмахнулся папа.

– А что? Это элементарно, Ватсон! Подсылают какого-нибудь худенького пацана и подсаживают к форточке...

– Подсаживают, – хмыкнув, кивнул папа. – На двенадцатый этаж.

Но Лешка не смутился. С ним это вообще редко бывает.

– А на двенадцатый еще проще. Спускают с крыши на веревке.

Папа еще сильнее хмыкнул, чуть мороженым не подавился:

– Ты пробовал когда-нибудь пролезть в форточку двенадцатого этажа, болтаясь на веревке?

– Нет! – у Алешки загорелись глаза и вскочил хохолок на макушке.

– И не вздумай! – пригрозил папа, хотя мы живем не на двенадцатом, а на седьмом этаже.

– Догадался! – воскликнул Алешка. – Сова в клеточку ворует. И таскает в свое гнездышко.

Папа посмотрел на него очень внимательно и сказал:

– Ты прав. Двое свидетелей показали, что из окон ограбленных квартир примерно в то время, когда там была совершена кража, вылетала птица. Очень похожая на сову. Но со странным оперением... В клеточку.

– Это новая порода! – взвизгнул Алешка. – Кто-то ее вывел, чтобы она воровала ему кольца и баксы!

Мне, конечно, тогда и в голову не пришло, как недалек Алешка от истины. Хотя, когда мы до нее добрались, она оказалась гораздо сложнее. И опаснее.

– Ладно, пап, – сказал Алешка. – Мы тебе поможем. Поймаем эту сову в «клеточку». И посадим в клетку.

– Я вам поймаю! – пригрозил папа.

– Не хочешь? – Алешка пожал плечами. – Не надо. Лови сам.

Папа успокоился, но время от времени поглядывал на него с подозрением. Особенно когда Алешка потащил нас обратно к совиному обиталищу и спросил девушку в синем халате и с лопатой в руке:

– Тетенька, а можно сову выдрессировать так, чтобы она чужие вещи таскала?

– Что она, дура, что ли? – ответила девушка.

– Я тоже так думаю, – согласился Алешка.

А папа погрозил ему пальцем.

Если Алешка берется за какое-нибудь дело, то он всех заставит крутиться. Причем в том направлении, которое ему нужно. И сам до конца не отступает, и никому отступить не дает. И все его почему-то слушаются. Даже если у них есть дела и поважнее.

Поэтому, когда мы расстались с папой (его по мобильнику вызвали на работу), я сразу все понял: Алешка загорелся, а мне вертеться придется. С этой минуты он возьмет меня на короткий поводок и время от времени будет подавать такие же короткие, решительные команды. Причем не объясняя, зачем это нужно, – «Ищи!», «Ползи!», «Фас!»

Так и получилось.

– Едем в звериный театр, – сурово решил Алешка. – К тете Наташе Дуровой.

– Мы билеты не достанем, – попробовал возразить я. – Туда знаешь какая очередь.

По правде говоря, не люблю, когда зверей и птиц заставляют выступать на арене цирка или в каком-нибудь представлении и вынуждают делать при этом всякие странные вещи. Не думаю, что им это нравится. Например, медведю кататься на велосипеде или на коньках. А поросенку прыгать через забор. Меня даже лошадь удивляет. Почему она так покорно везет хворосту воз? Почему вдруг не остановится и не скажет человеческим голосом:

– Знаешь что, мужик? Вези-ка ты это сам. А я пойду пиво пить.

– Еще чего! – удивится мужик. – Я, понимаешь, о тебе забочусь, кормлю тебя...

– Он кормит! – заржет лошадь. – Я и без тебя сыта буду – вон кругом травки сколько...

Не скажет так лошадь. И медведь не скажет. А жаль...

– А нам билеты не нужны, – огорошил меня Алешка. – Нам какой-нибудь дрессировщик нужен.

– На фига? – удивился я. – У нас с тобой медведей нет. Кого дрессировать-то будем? Тараканов?

Алешка только вздохнул. Тяжко так, безнадежно. Это у него хорошо получается. У мамы научился. Когда она папины дни до пенсии считает. А когда Алешка в мой адрес так вздыхает, я чувствую – рейтинг моего авторитета катастрофически близится к абсолютному нулю.

Мы вошли через служебный вход и оказались в маленькой комнате, где сидел за столиком охранник, еще очень молодой, но уже похожий на сонного бегемота. Алешка очень серьезно сказал ему:

– Вызовите сюда дрессировщика по пернатым птицам. Срочно.

– А может, сразу директора? – усмехнулся охранник. И зевнул. Разинул широкую пасть ну точь-в-точь как бегемот. – Топаи отсюда!

Алешка тоже усмехнулся и ответил достойно:

– Я-то уйду, а вот ты – вряд ли!

– Чего? – презрительно протянул охранник.

– Того! – передразнил его Алешка. – У меня информация есть...

Вот тут Бегемотище встрепенулся. И даже вскочил. Опрокинув стул.

– Информация? Негативная? Теракт намечается?

– Что намечается – то намечается, – дипломатически уклонился Алешка от прямого ответа.

– Против пернатых? Сейчас позову. – Он куда-то позвонил и вызвал какого-то Палыча. Пообещал нам: – Ща Палыч придет, разберется.

Алешка тем временем отвел меня в сторону, проинструктировал и исчез, сказав при этом:

– Мне светиться нельзя. Я очень приметный. А ты – среднестатистический юноша.

Это он у нашего Бонифация срисовал, учителя литературы. Тот, когда хотел тактично сообщить ученику, что он несколько туповат, всегда называл его среднестатистическим. Ну а уж если детиной назовет, значит, вообще – дуб дубом.

Главный по пернатым Палыч тоже оказался здоровенным мужиком. Ему бы, по комплекции, не птичек дрессировать, а слонов. Или охранников.

– В чем дело? – прогудел он высоко над моей головой.

– Мы хотели у вас проконсультироваться, – жалобно начал я. – У нас в школе есть зверинец. Ну там... рыбки всякие, птички, мышки...

– Чем кормить, что ли? Давай шустрей, пацан. У меня через пять минут гусиный выход. Кормить, да?

Чем кормить, подумал я, это и так ясно. Птичек – рыбками, мышек – птичками. Или кошками.

– Нет, дрессировать. Вот можно, например, выучить птичку таскать всякие вещи?

– Запросто. У нас вот пеликан ведро с рыбой таскает. А ворона Глаша чайный стол накрывает. Даже сахарницу приносит в клюве.

– А другие вещи? Деньги, например? Золотые украшения? Не приносит?

– Так... – Палыч навис надо мной, как скала над котенком. – А тебе это зачем?

– На всякий случай, – сказал я. – Фокусы показывать.

– За такие фокусы, пацан, знаешь, что полагается? – и Палыч показал мне четыре скрепленных пальца в виде решетки.

– Потому и спрашиваю, – туманно объяснил я и пошел на выход. – Спасибо за консультацию. – И всей спиной почувствовал тяжелый взгляд Палыча.

Ну что ж, прокол...

Но Алешка так не считал.

– Все получается, Дим! Если пеликан ведро таскает, а ворона сахарницу, значит, сова клетчатая вполне может деньги таскать.

Вот только зачем они ей? На какие покупки? Вслух я этого, конечно, не сказал, но Лешка мою мысль уловил.

– Да не себе она таскает. А своему хозяину.

– Главарю стаи, что ли?

Алешка внимательно посмотрел на меня, подумал и кивнул.

Домой мы вернулись довольно поздно. Перед самым ужином. Во дворе уже почти никого не было. Только на скамейке сидели две грустные бабушки – Аня и Маня – из соседнего подъезда. На коленях у одной лежал батон хлеба, а у другой – полиэтиленовый пакет с пшеном.

Мы прошли мимо, поздоровавшись, но они не обратили на нас внимания, занятые важным разговором.

– И не говори, – жаловалась бабушка Аня, – совсем другая жизнь пошла. С этими реформами. Даже птички-голуби исчезли. Хлебца покрошить некому.

– И не говори, – вторила ей бабушка Маня. – Вишь, пшеница-то скоко скопила. Куды его девать? Воробышкам скормила бы.

Эти бабушки были одинокие, и для них, конечно, большая радость – птичек покормить. Потому что на этих бабушек никто внимания не обращает. Кроме птичек, которые облепляли их, как два старых сухих дерева. Они и сами на птичек похожи – маленькие, взъерошенные, беззащитные...

Мы уже было совсем прошли мимо, но Алешка затормозил и стал делать вид, что рассматривает новую машину вредной тетки Модесты. Глазами рассматривает, а ушами прислушивается.

– ...И не говори. Разлетелись птички. Куды делись? В теплые края, что ль, слиняли?

– В края, как же! По весне-то!.. – бабушка Аня придвинулась к бабушке Мане и громко зашептала (обе глуховаты были): – Какие края? Модеста говорила, что какая-то хичная сова в нашем парке объявилась. Малых птах забижает. Гнезда рушит, птенцов таскает. В свое логово.

– Гляди ты! – изумилась старушка. – Ишо детишек таскать повадится. Вот тебе и реформы!

...В лифте Алешка покачал головой:

– Видишь, Дим, слухи-то подтверждаются. Разогнала эта сова всех голубей. Может, она на них и не охотится, но они ее боятся, на всякий случай.

– Ну и что?

– Что – что? Значит, она где-то в нашем районе гнездится. Понял?

И это его предположение неожиданно подтвердилось самым серьезным образом. В этот же вечер.

Папа еще не вернулся с работы, а мама на кухне готовила ужин.

– Как там крокодилы? – спросила она.

– Жрут, – сказал Алешка. – Все подряд.

– А папа где? – мама вдруг почему-то испугалась.

– На работе, – успокоили мы ее. – Крокодилы ни при чем.

– Ужинать будете? Или папуждемся? Дим, тебе Бонифаций звонил. Очень просил отозваться.

Наш косматый Бонифаций одержим манией превратить нашу школу в драмтеатр. Чуть ли не каждый день оставляет нас на репетиции. Впрочем, очень кстати он позвонил.

– Дима, – сказал Бонифаций, – я тут немного приболел. Но мы должны продолжить работу над спектаклем. Творческий процесс нельзя прерывать. Мы не боимся трудностей, да? Ведь мы преданы искусству, так ведь? Работу продолжим по телефону. Выучи свою роль по первому акту и постарайся развить образ Скалозуба. Вникни в его психологию, раскрой его изнутри...

Он еще очень долго говорил, я не перебивал его, только листал от скуки телефонный справочник – тихонько, чтобы Бонифаций не услышал шелеста страниц.

– Что ты молчишь? – вдруг спросил он. – Ты не согласен с такой трактовкой?

– Она мне не кажется достаточно глубокой, – брякнул я. Бонифаций любил, когда ученики с ним спорят.

– Обоснуй! – обрадовался великий режиссер.

– В другой раз, Игорь Зиновьевич. Вы извините, я сейчас реферат пишу по ловчим птицам.

– А! Это интересно! – ему все интересно. – И какова концепция? Есть неясные моменты?

– Есть, – признался я, вздыхая. – В какой степени вообще наши пернатые друзья оказывают нам помощь?

– А как же, Дима! – возмутился моим невежеством Бонифаций. – Это элементарно. Уничтожают вредителей садов и огородов. Поставляют очень ценное удобрение. – Это мне хорошо известно. Когда вороны в парке тусуются – мимо лучше не ходи. Эти ценные удобрения дождем сыплются. На голову. А потом, что немаловажно, пернатые друзья облагораживают нашу жизнь... А как поют соловьи на рассвете! И вороны каркают, подумалось мне. – А ловчие птицы! Ведь это же песня!

– А могут они, например... – попробовал я вставить вопрос.

И Бонифаций тут же подхватил его:

– Могут, могут! История сохранила тому массу фактов. Два века назад, к примеру, в странах Европы большое распространение получила так называемая голубиная почта. С помощью этих милых птиц разлученные судьбой влюбленные обменивались нежными посланиями. И в армии голуби очень широко использовались для срочной передачи информации. Так, первые сведения о победе французского войска в битве при...

Дальше я опять стал листать справочник – голубиная почта полководцев, разведчиков и влюбленных меня не интересовала. А когда Игорь Зиновьевич перевел дыхание, я «перевел стрелки»:

– А есть в истории сведения об использовании диких сов с клетчатым оперением в целях хищения золотых изделий?

– Странный вопрос, – Бонифаций словно споткнулся. – Мне такие факты неизвестны... А ты температуру не мерил? Сыпи у тебя нет? Если еще и ты заболеешь – это катастрофа, провал. Образ Скалозуба...

– Извините, Игорь Зиновьевич, папа пришел. Я вас не подведу, не беспокойтесь.

Папа был хмур и озабочен.

– Хоть бы раз, – сказала мама, – ты пришел со службы с улыбкой на устах.

– Я же не в цирке работаю, – заметил папа. – Ужинать будем? С улыбкой на устах...

Во время ужина папа был задумчив. Поднесет вилку ко рту, рот откроет и... задумается. А потом с удивлением смотрит на нее и покачивает головой.

– Сова заколебала? – с сочувствием спросил Алешка.

Папа кивнул.

– Чушь какая-то, – рассердилась мама.

– Вовсе не чушь, – возразил папа, наливая себе кофе. – Криминалистическая практика знает много примеров, когда для хищений использовались птицы.

– Совы? – спросил Алешка.

– Вот совы как раз нет. По-моему, они вообще дрессировке не поддаются. – Вот и молодцы, подумал я. – А вот голуби, сороки...

– А чего они воровали? – спросил Алешка.

– Золотые часы с часового завода, в частности. Золотишко из ювелирных мастерских. Один голубь вынес на себе сразу десять золотых колец. Правда, не вся эта добыча попадала в руки их хозяев – то заблудится птица, то ее ворона в пути собьет... Но вот сова – это что-то новенькое.

– Хорошо, что не орел, – успокоил его Алешка. – Этот целый чемодан добычи может утащить.

Мама собрала посуду со стола, сложила ее в мойку и вздохнула:

- Как бы я хотела быть вольной птичкой. – Мечтательно так произнесла.
- А тебе приходилось спать на ветке? – спросил папа. – В ветреный день?
- Или мух клевать, – добавил Алешка.

Глава II

Тайна глазастой совы

– Надо выручать папу, – сказал мне утром Алешка. – У него кроме этой совы дел выше крыши. Берем сову на себя. Я знаешь чего вчера у него подслушал? – И Алешка рассказал.

Оказывается, вчера у одного немца еще одну вещь украли – браслет с камнями. И опять очень загадочно. Посторонних не было, двери не взламывали, в окна не лезли. И никаких следов не оставили.

– И чего она в немецкие дома повадилась? – заключил Алешка. – Наших, что ли, ей мало?

Эти три высотных дома, огороженных ровным черным забором из квадратных прутьев, называли почему-то немецкой колонией.

Кто их так назвал, когда и за что – я не помню. Мне это слово «колония» с детства не понравилось. Однажды мы с Вовкой Грушиным гоняли во дворе мяч, и Вовка красиво влепил его прямо в окно на втором этаже. Ничего страшного вообще-то не произошло – мяч не лопнул, окно не разбилось. Но хозяйка квартиры Модеста Петровна здорово разоралась – даже чуть из окна не вывалилась.

– Ты отпетый хулиган! – визжала она на Вовку. И на весь двор. – По тебе колония плачет!

Мы еще были тогда не очень взрослые, и я не знал, что такое колония. Почему-то подумал, что это колонна. Демонстрантов. С флагами, бумажными цветами и праздничной музыкой. Я такую видел в каком-то старом кино. И почему эта веселая колонна должна плакать по Вовке? Больно он ей нужен. Тем более что стоит рядом, лыбится во весь рот и прижимает к грязной футболке грязный мяч. И с живым интересом слушает все, что орет на весь двор Модеста Петровна. И весь двор тоже слушает.

Модеста Петровна у нас всегда в центре особого внимания. Скандального. Ей вообще тяжело живется – она всегда и всем недовольна. Как сердитый барсук. Когда она проходит мимо песочницы со своей Жужей, то всегда шипит сквозь зубы:

– Развели детей – с собаченькой погулять негде.

А Жужа при этом рычит, скалит свои мелкие зубки и норовит написать в песок. И никто не решается дать ей пинка. Во-первых, потому что она маленькая – всего-то зубки, хвостик и голубой бантик с заколочкой на макушке. А во-вторых, у нас во дворе любят не только детей, но и собак. И все понимают, что злобная собака в своей злости не виновата. Она просто берет пример с недоброго хозяина. Вот у нас есть во втором подъезде громадный ротвейлер Гоша. Про ротвейлеров какие только ужасы не рассказывают. Но у доброго хозяина и ротвейлер добрый. На этом Гоше малыши даже верхом ездят. А он только радуется. А если ему вдруг нужно сделать свои дела, то Гоша бежит на пустырь и выкапывает ямку. А потом ее закапывает. А Жужа норовит напакостить в песочнице. И сама Модеста от нее не отстает. Нет, я не то, конечно, хотел сказать, вы не думайте. Просто наша Модеста всегда ставит свою машину задом к песочнице и когда ее заводит, вся вонь из выхлопной трубы разгоняет несчастных малышей. Но все бедные мамы вместо того, чтобы дать Модесте хорошего пинка, подхватывают своих малышей и разбегаются по домам, писать на нее жалобы в газеты. На большее они не отваживаются, потому что Модеста Петровна раньше у нас была дворником, а теперь она – директор ломбарда в нашем доме. И все знают, что у нее хорошая «крыша». Даже две. Одна бандитская, а другая милицейская.

Модеста – очень богатая женщина. Когда людям срочно нужны деньги, а взять их негде, они несут ей в ломбард всякие золотые вещи – у кого что есть. И она забирает эти вещи и дает им вместо них деньги. А потом эти люди эти свои вещи выкупают, но уже за другие деньги, побольше. А если они не смогут этого сделать в срок, то золотые вещи остаются у Модесты и

она их продает в ювелирный магазин. И этим наживается. Сверх всякой меры. У нее даже все зубы золотые. И пальцы, и руки, и уши, и шея. Когда она идет по двору к машине, то слышится легкий звон, будто в кармане позвякивает мелочь. Но это, конечно, не мелочь. «За вот это колечко, – говорит в гневе Модеста, – я могу купить весь наш дом и двор. Только на фиг они мне нужны!»

Повзрослев, я узнал, что колонна и колония – разные вещи. Но все равно мне казалось странным, когда я слышал: немецкая колония. Колония пингвинов – это я знаю. Колония для преступников – тоже. А колония немцев – не совсем понятно. И уж вовсе непонятно, что в этой колонии понадобилось нашей отечественной сове? Впрочем, что ей понадобилось, ясно, но почему именно у немцев? Странная сова. С каким-то патриотическим оперением.

– Мы должны ее выследить, – продолжал Алешка, – и подстрелить на месте преступления.

Во дает!

– Я уже придумал! Там есть здоровое дерево, вроде дуба. Мы на нем шалаш построим и будем по очереди в засаде сидеть. Круглые сутки. А в школу будем ходить тоже по очереди.

От Лешки не отвяжешься. Если он что-то задумал, будет как комар возле уха зудеть...

Мы в тот же день притащили с заброшенной стройки доски и начали ладить шалаш на большом дубе. Алешка его хорошо выбрал – этот дуб стоял на самом краю парка, недалеко от немецких домов. И с него была видна вся территория колонии как на ладони.

Я забрался на дерево, Лешка подавал мне доски. Я укладывал их на толстые сучья и сколачивал гвоздями для прочности. Получился довольно приличный помост. Алешка еще натаскал сухих сучьев, и мы замаскировали ими наш наблюдательный пункт. Со стороны, наверное, казалось, что среди зеленых дубовых ветвей разместилось громадное воронье гнездо.

– Нужно принести сюда термос с чаем, – сказал Алешка, – и пищу.

– И ночной горшок, – усмехнулся я.

– Потерпим. В крайнем случае...

Но ему эту мысль не удалось развить. Снизу послышался веселый мужской голос:

– Привет, Оболенские! – это был наш знакомый участковый. Он стоял под деревом, задрав голову и шурясь от солнца. – Вы там поосторожнее. Вас что, из дома выгнали?

– Ага, – с ходу «признался» Алешка. – Пока двойки не исправим. Но вы не беспокойтесь за нас – папа тоже здесь ночевать будет.

Участковый почесал затылок: видно, задумался – с чего бы это уважаемый полковник милиции, сотрудник Интерпола, будет в столичном городе ночевать на дереве? Но Алешка его успокоил, пояснил:

– Его тоже выгнали. До пенсии.

– А мама хочет птичкой стать, – добавил я.

– Во какие события на моей территории! – и участковый пошел по своим делам, раздумывая над этими событиями.

– Папе доложит, – сказал я. – И маме тоже.

– Ни за что, – уверенно отрезал Алешка. – Сам подумай. Позвонит он и спросит: «Товарищ полковник, у вас все в порядке? А то есть данные, что вас из дома выгнали. А ваша жена птичкой стала. А дети на дереве сидят, сам видел». Что ему товарищ полковник ответит?

– Папа ответит: «А у вас, товарищ лейтенант, все в порядке? С головой».

Мы похихикали и пошли домой за ружьем, учебниками и термосом.

...В общем, мы просидели в засаде целый день. Никто за это время в немецкие дома не прилетал. И не вылетал. И никаких вещей из окон не выносил.

Тем не менее мы неплохо провели время. Болтали, пили чай. Учили роль Скалозуба. Так глубоко вникли в его психологию, так полно раскрыли и широко развили его образ, что Алешка сказал:

– Дим, а он мне нравится. Прямодушный такой, честный. Настоящий полковник. Слуга царю, отец солдатам.

– Ты только Бонифацию так не скажи, когда вы будете «Горе от ума» проходить.

– Расстроится?

– Мама расстроится.

Окружающая фауна к нам за это время привыкла. Белки стали поскакивать, птички по веткам шастать. Вот только собаки нервничали, когда мимо проходили. Они чувствовали – кто-то здесь есть, а никого не видно. Скулили, крутили носами, вертелись вокруг дерева, облаивали его, а хозяева недоуменно на них «фукали». И поскорее старались отойти от этого загадочного места.

К вечеру нам эта засада порядком надоела. И Алешка схулиганил от скуки. И ради справедливости. Тут как раз проходил глупый и злобный Джой с хозяином на поводке. И облаивал всех, кто им встречался. А если какая-нибудь старушка пугалась, возмущалась и делала замечание, что, мол, такую злобную собаку нужно выводить в наморднике, то тут уж сам хозяин рычал:

– На тебя саму, старая дура, нужно намордник надеть. Чтоб не гавкала.

Мы эту парочку очень не любили. И побаивались. И не только мы. И собирались участковому пожаловаться. Но как-то забывали.

И вот они идут. Впереди Джой, гавкает на все подряд, а за ним хозяин с самодовольной ухмылкой. Потому что все встречные пугливо их обходят и долго оборачиваются. А ему это страшно нравится: он весь такой великий и ужасный.

Как только они поравнялись с дубом, Алешка хищно прищурился и потянулся за ружьем.

Я схватил его за руку и прошептал прямо в ухо:

– Ты что! Собака-то не виновата!

– Отцепись. Я не в собаку! – прошептал Алешка.

– Еще лучше! – Ружье хоть и духовое, но бьет чувствительно.

– Я в банку, Дим. Фокус будет.

И тут до меня дошло. Джой уже подходил к банке из-под пепси и злобно на нее рычал. А потом как на нее, дурной, рывкнет! Чтобы она удрала с его дороги.

А банка не испугалась: в ответ как подскочит. И как на него бросится, гремя своими боками по асфальту.

Неустрасимый Джой даже хвост не успел поджать. Взвизгнул, как щенок, и рванул в колючие кусты боярышника, которые росли вдоль дорожки. Толстый его хозяин такой прыти не ждал. И на брюхе поехал за Джоем. И так взвыл, когда врезался в кусты, что Джой еще больше испугался и рванул по газону к ограде. Волоча за собой хозяина. И вскоре они исчезли вдаль.

– Вот так вот! – сказал Алешка, опуская ружье. – Долго теперь хамить не будут.

Да, я все больше и больше чувствую его превосходство. Честный такой, прямой. Настоящий полковник.

– Всех сов, наверное, распугали своими воплями, – проворчал Алешка.

– Пошли домой, – обрадовался я.

– Совы ночью охотятся. Не знал?

Перспектива просидеть на дереве всю ночь мне вовсе не улыбалась.

– Лех, – сказал я, – если она прилетит за добычей ночью, мы все равно ее не увидим в темноте.

– Ладно, – согласился он. – Как стемнеет, снимем засаду. – И снова взялся за ружье.

А если сова и вправду прилетит? Неужели он будет в нее стрелять? И я спросил его:

– Тебе ее не жалко? Такая способная птица.

А Лешка вдруг произнес в ответ загадочную фразу:

– Не больно-то она и птица.

И молчал до самого вечера.

Вернувшись домой, мы незаметно пронесли ружье в свою комнату и спрятали под тахту. А потом пошли мыть руки и ужинать.

Папа еще не пришел с работы, и мама, поглядывая на часы, вздыхала и, наверное, подсчитывала в уме годы и дни до его пенсии.

– Где бегали? – наконец спросила она. – Чем занимались?

– Шалаш в парке строили.

– Лучше бы в своем доме порядок навели.

– А зачем? – удивился Алешка. – Все равно ремонт будем делать.

– С вами сделаешь, – вздохнула мама и опять взглянула на часы.

– Он сову ловит, – сказал Алешка, правильно поняв ее грустный взгляд. – На удочку.

– Не говори глупости! Лучше посуду помой.

«Чем это лучше?» – подумал я. А Лешка и тут меня обошел:

– Сегодня Димкина очередь.

– Не спорь со мной, Алексей! – вспылила мама. – Ой! Папа пришел! Кушай, Ленечка, кушай, милый. – И она, пригладив ему хохолок на макушке, побежала открывать дверь.

– Где бегали? – спросил папа, переобуваясь. – Чем занимались?

– Бешеных собак отстреливали.

Полуправда всегда убедительна. Ясно же – человек не хочет в чем-то признаться и деликатно врет. Расспрашивать его в таком случае бесполезно.

Папа усмехнулся и пошел ужинать. А мы с Лешкой пошли спать. Но не успели мы утомиться, как раздался телефонный звонок. Так поздно могли звонить только папе. К сожалению, мы не смогли пробраться в прихожую, к параллельному аппарату, и поэтому подслушали одного папу. Но по его ответам сумели восстановить этот ночной диалог.

Участковый: Извините, товарищ полковник, у вас все в порядке?

Папа: Кажется, да. А в чем дело?

Участковый: Сигнал поступил, что ваши ребята сегодня ночуют в парке... на дереве.

Папа на всякий случай приоткрыл дверь в нашу комнату, оглядел «безмятежно спящих» сыновей и снова взял трубку.

Папа: Вполне возможно. Я их выгнал за плохую успеваемость.

Участковый: Может, мне их подстраховать?

Папа: Спасибо, не стоит. Я это сделаю сам.

Участковый (с заминкой): Значит, вы это... тоже... А ваша супруга, значит...

– На ветке, – сказал папа и, попрощавшись, положил трубку.

Какой добросовестный и заботливый человек этот наш участковый. Прямой такой. Будущий полковник.

После уроков мы опять провели время на... ветках.

– Еще один день, – сказал я Алешке, – и я перьями начну обрастать.

Но Алешку это не испугало. Он яростно утверждал, что если сова ворует вещи, то таскает их в свое гнездо. А гнездо у совы может быть только в парке. Значит, совершив очередную кражу, она неизбежно пролетит мимо нас.

– Логично? – спросил Алешка.

– Логично, – вздохнул я.

Но мне почему-то показалось, что Алешка старается убедить не столько меня, сколько самого себя.

Но вот в чем?..

В общем, мы не только обжились в своем «гнездышке», но и начали обрастать, как перьями, новыми полезными знакомствами. В частности, ближе к вечеру мимо проходил наш

районный бомж Вася, который к лету перебирался на местожительство в парк. Он сразу же нас засек, остановился, оглядел шалаш, одобрил:

– Неплохо сладили. Токо стенки надо добавить. Опасно без них.

Вася знал, что говорил. Он сам в свое время построил в глубине парка «бунгало» на ветвях. Но однажды свалился с него во сне. И поэтому перебрался на землю – соорудил себе домик из полиэтиленовой пленки, обзавелся имуществом и систематически таскал в свою берлогу разные полезные вещи с помоек и свалок. Вот и сейчас, помимо рюкзака за спиной, Васину поклажу составляла вполне приличная подушка от тахты.

– Кресло будет, – пояснил он. – Без кресла – не жизнь. Вы сходите к универсаму – там еще две такие есть.

Разговор завязался.

– А вы чего? Бездомные, что ли?

– Временно, – сказал я.

– А... – сразу все понял Вася. – Педагогический прием. Исправление ошибок.

Такому умному человеку не стоит врать. Полезнее им воспользоваться.

– Мы сову караулим.

– Брехня, – Вася поставил подушку на землю. Махнул рукой. – В парке она не водится.

Уж я-то знаю.

– А почему?

– Голубей и ворон много стало. Она, видать, в домах гдей-то гнездится. Потому другая птица, опасаясь, в парк перебралась. Хорошая птица, вкусная. Голубиный паштет делаю. Как мушкетер. Даже рогатку завел. Ну, прощевайте, воробьи. Не забудьте к универсаму сбегать. Там еще кастрюльки выкинули, вполне гожие.

Но мы к универсаму за «гожими» кастрюльками не пошли – у нас их дома полно, – а еще немного посидели в засаде.

И не зря! Ближе к вечеру мелькнула в районе двенадцатого этажа большая птичья тень. Но в парк она не полетела, а исчезла где-то меж домов.

Алешка проводил ее взглядом и загадочно произнес:

– Так я и думал...

Глава III

По-моему, он врет

Еще пару дней мы, оставив свое «гнездо», бродили вокруг немецкой колонии вдоль забора. Поглядывая на открытые по случаю весенней жары окна всех трех домов. И в конце концов привлекли внимание охранников, которые тоже бродили вдоль забора, но внутри, и внимательно на нас поглядывали. Мы – на окна, они – на нас.

С этими охранниками у нас вообще были отношения сложные. Даже если мы просто проходили мимо, они изо всех сил подозревали нас в нехороших намерениях. Делать им было нечего.

В общем, еще два дня мы провели без толку. Никакие совы вокруг немецких домов не крутились, фигуры высшего пилотажа не показывали и золотых вещей не таскали.

Когда дело не дает результата, оно в конце концов наскучит. Так и случилось. Нам надоело слоняться возле немецкой колонии под пристальными взглядами бдительной охраны, и мы «сняли наблюдение».

А зря!

В тот же вечер нас перехватил во дворе Санек, Лешкин одноклассник. Веселый такой пацан, неунывающая личность. И очень интересная. Я уже, кажется, рассказывал как-то о нем. У него две уникальные особенности: все время шнурки развязываются и все время он фантазирует. Видно, просто так, без приключений, жить ему скучно.

И надо еще сказать, что Санек живет в доме, который совсем рядом с немецкими домами.

– Леха! А что я видел! – завопил Санек.

– Сову в клеточку, – проворчал Алешка.

– А вот и нет! Настоящего Карлсона! Он из окошка вылетел. И все при нем: пропеллер за спиной и подтяжка через плечо.

– А денег при нем не было? – серьезно спросил Алешка.

– Сам ты дурак! – обиделся Санек.

...Когда они помирились, Санек захлеб рассказал, как они с Женькиного балкона бросали водяные бомбы, как попали прямо на крышу Вадькиного «мерса», как тот (Вадька, а не «мерс») орал на них и как вдруг из немецкого дома вылетел Карлсон.

– А куда он полетел, твой Карлсон?

– Как куда? – удивился Санек и взялся завязывать шнурки. И сказал прямо в землю: – Куда ему положено, туда и полетел. На свою крышу. То есть на нашу.

– А в клюве у него ничего не было?

– В каком клюве? Он же Карлсон.

– Ну а... в руках? Что он держал?

– Вроде ничего. Он их вот так раскинул, как крылья. И ногами болтал. А все встречные вороны – от него в разные стороны, с воплями. А самое главное знаешь что? – Санек приблизился к Алешке, осмотрелся, будто великую тайну хотел сообщить, и сказал громким шепотом: – А ведь это в самом деле МОЙ Карлсон!

– Как это твой?

– А так! У меня в детстве игрушка такая была, Карлсон с меня ростом. Он у нас на шкафу все время сидел. А потом пропал. Улетел, значит.

Алешка призадумался. Но ненадолго.

– Санек, у вас чердак запирается?

Тот хитро прищурился.

– Запирается. И отпирается.

– Сходим на крышу?

– А зачем?

– Посмотрим. Где там твой Карлсон живет.

– А я уже лазил. Никто там не живет. Даже голуби разлетелись. – И без всякого вежливого перехода: – А что дашь?

– В лоб, – ответил Алешка.

– Ну, пошли. Только завтра. Мы сегодня вечером с батей выступаем. В переходе.

Это хорошо сказано: выступаем. Отец Санька, безработный слесарь, время от времени приходит в наш переход у метро и играет там на баяне. Зарабатывает. А Санек помогает. Грустная история.

– По-моему, он все врет, – сказал я, когда мы на следующий день пошли к Саньку. – Известный сказочник.

– Врет, конечно, – легко согласился Алешка. – Только не все...

Мы доехали на лифте на двенадцатый этаж, поднялись по пожарной лестнице к двери на чердак. На ней висел большой замок.

– Жаль, – вздохнул Алешка. – Очень жаль такой красивый замок ломать.

Санек опять хитро прищурился, достал что-то из кармана и прижал ладошку к замку. Внутри замка что-то звонко щелкнуло.

– Прошу! – Санек распахнул дверь.

– Здорово! – оценил Алешка. – Магнит?

– Магнит. Это наш Академик придумал. Он на чердаке какой-то опыт производил. Какую-то антенну ладил. А батя ему помогал.

– Фиг с ним, с Академиком, – отмахнулся Алешка. – Пошли на крышу.

На чердаке было скучно – пыльно, мусорно, сумрачно, а на крыше – здорово!

Вольный ветер, дали неоглядные. Виден весь город – до Кремля и обратно. Наш детский сад, куда мы когда-то ходили (сначала я, а потом Алешка). Наша школа, куда мы теперь вместе ходим. Универсам. Станция метро. Отделение милиции. Институт механики. Все такое хорошо известное и в то же время совсем другое, новое, неожиданное. Например, я и не догадывался, что на крыше нашей родной школы столько мусора и барахла: старые санки, конек с ботинком, много застрявших мячиков, бумажных голубей, ходовая часть детской коляски, автомобильная шина – прямо свалка, а не образцовое учебное заведение. С драматическим уклоном.

А вокруг нас, на крыше, столько всего! Торчат телевизионные антенны, растянутые тросиками, в которых нежно поет ветер. Какие-то загадочные надстройки вроде домиков, похожих на собачьи будки, зарешеченные дырки для вентиляции и стока дождевой воды. В общем, было на что посмотреть. И было где спрятаться загадочному Карлсону вместе с его домиком. И запасным аэродромом.

– Ну! – Алешка скрестил на груди руки и повернулся к Саньку. – Показывай!

– Чего показывать-то? – удивился Санек. – Смотри сам.

– Куда твой Карлсон залетел? Где его нора?

Сказал бы уж – гнездо.

– Пошли, – сказал Санек и загромыхал ботинками к самому краю крыши, огороженному проволочным барьерчиком.

Я успел подскочить и ухватить их обоих за шиворот. Санек стал размахивать руками и объяснять.

Сначала он показал на дом напротив:

– Вон там мы стояли с Женькой на ихнем балконе. Где белье висит, видишь? А вон там Вадик проезжал. А вылетел он...

– Вадик?

– Карлсон! Вылетел он вон оттуда, из немецкого дома. И спикировал сюда, – Санек плавно описал рукой полукруг. – И вот здесь исчез. Прямо у двери.

– Все? – спросил Алешка. – Надо его логово искать. – И соблазнил Санька: – Там, наверное, много чего. Натаскал, ворюга!

Обошли мы всю крышу, ничего подозрительного не нашли, «много чего» тут не было. Кроме пары дохлых голубей и пары дохлых крыс.

А у самой двери Алешка вдруг нагнулся и поднял... зажигалку.

– Ни фиги себе! Он еще и курит!

Зажигалка была красивая. Вся такая серебряная с рисунком в виде высотного университета МГУ. А когда Алешка щелкнул ею, она не только вспыхнула огоньком, но и проиграла какую-то знакомую, но не очень попсовую мелодию.

– Заграничная, – завистливо сказал Санек. – С музыкой. Меняемся? На батин баян. Слабо?

– На фига он мне, – усмехнулся Алешка.

Санек возмутился такому невежеству:

– Играть будешь. Всякие песни.

– В метро, что ли? А батя твой как же?

– А он на скрипку переходит. Говорит, жалостней получается. Лучше платят.

Я напомнил им, что мы сюда не торговаться пришли.

Алешка смерил меня ледяным взглядом сверху донизу. И вдруг там, у меня под ногами, остановил свой взгляд:

– А это что такое?

Нагнулся, быстро что-то собрал в ладошку. Показал нам. На ладони лежали... окурки. Каких-то черных сигарет.

– Я ж говорил: он курит!

– Кто?

– Карлсон. Или его сообщник. – И Алешка снисходительно пояснил: – Окурки лежат в одном месте, так?

Мы кивнули.

– Значит, кто-то долго стоял здесь и волновался. – Он пересчитал свою добычу. – Во! Шесть штук! У тебя пакета или коробки нет? Ладно.

Алешка уложил окурки в носовой платок и спрятал в карман куртки.

Я возмутился. Он глазом не моргнул:

– Это, Дим, вещественные доказательства. Понял?

Понял. Доказательства чего? Что кто-то стоял здесь и курил. Не велико преступление.

А ведь будущие события показали: Алешка опять оказался прав...

Когда мы явились домой, папа уже пришел с работы и мама его заботливо кормила на кухне. И гладила по голове. А папа жевал и жмурился, как кот на солнышке.

– Где бегали? – спросил папа.

– По крыше, – пошутил Алешка.

Мы с ним давно уже усвоили: когда хочешь соврать, говори правду. Все равно тебе не поверят.

– Ну и как? – спросила мама.

– Здорово! – похвалился Алешка. – Домик Карлсона нашли. Посидели... Так у него накоплено!

– Фантазер! – она потрепала его по голове. – Идите мойте руки и – ужинать. А то папа все съест.

– Опоздала, – сказал папа, отодвигая тарелку. – Да они небось у Карлсона отужинали.

Что-то мне эти слова не понравились. Подозрительные какие-то. И взгляд у папы чересчур внимательный.

– У меня для вас приятная новость, – сказала мама, когда мы сели за стол. – Помоете посуду – скажу.

– Это шантаж, – намекнул папа. – Вымогательство. Состав преступления.

– Напугал! – фыркнула мама. – Ради посуды я на все пойду. Ну, кто смелый?

– Алешка, – сказал я.

– Димка, – сказал мой брат.

– Ну, так и быть, – сказала мама. – Один вынесет ведро, другой – посуду.

– А куда ее выносить? – уточнил осторожный Алешка.

– Мыть! – уточнила осторожная мама.

Мы переглянулись: пора соглашаться, а то она еще что-нибудь придумает.

– Ладно, – сказали мы.

– Так вот, – радостно улыбнулась мама. – Только что звонили из школы!

Мы насторожились. Приятных звонков из школы что-то давненько не было. Их вообще никогда не бывает. А мама сияла:

– У вас в школе свинка!

– Большая? – уточнил Алешка. – Или морская?

– Карантин! Две недели! Гуляй – не хочу! Поели? За вами – посуда, ведро и пылесос.

– Мы про пылесос не договаривались! – завопил Алешка.

– Ах да! – спохватилась мама. – Вы правы. Еще и магазин. И прибраться в своей берлоге.

Когда я вымыл посуду, пропылесосил всю квартиру, вынес ведро и вернулся из магазина, Алешка таинственно подмигнул мне и показал глазами на дверь нашей комнаты: зайди, мол, тайное дело есть.

Так, огорчился я, мама еще что-то надумала.

Оказалось, не мама, а папа. Ему позвонили с работы, а Лешка, конечно, подслушал. И сообщил мне. Я никогда не думал, что слово «сообщил» происходит от слова «сообщник». Так и получилось – на две ближайшие недели я стал Лешкиным сообщником по раскрытию жуткой тайны. Невероятной даже.

– Дим, – зашептал мне Алешка прямо в ухо, когда мы скрылись в своей «берлоге», – ты знаешь, из какого окошка вылетел Карлсон? Опять из немецкого. А знаешь, кто там живет? Очень главная персона. Советник посольства! И папе сказали, чтобы он помог поскорее разобраться в этом деле. Потому что... Сейчас вспомню... А! Потому что оно приобрело «нежелательный международный реверанс». Понял?

Еще как! Особенно про международный реверанс.

– Наша задача... – начал Алешка.

– Наша задача, – перебил его я, – учиться и учиться. Из последних сил.

– У нас карантин! Ты что!

Он сказал это так, будто карантин обязывает детей всего мира объединиться на борьбу с преступностью. А кто не объединится, тот сам жулик.

Я покорно поник головой. А Лешка сразу взял командование в свои цепкие руки:

– Завтра с одним пацаном поговорим.

– С каким пацаном?

– С немецким. Это у них что-то украли. А пацан этот дома был. Я сам слышал. «Значит, – спросил папа, – в момент совершения кражи в квартире находился младший сын советника, так?» Мы найдем этого пацана...

– Как? Их там двести штук!

– А я фамилию подслушал. Этого советника. Фофан его фамилия.

Странная фамилия у такого важного лица. Впрочем, чего у них только не бывает.

Глава IV

Клаус Хофман-младший

Утро началось с небольших неприятностей. Мы еще спали, в счет карантина, а мама закричала на всю квартиру из прихожей:

– Отец! Ко мне! В одной руке – ремень, в другой – Алексей!

– А Дима? – высунул Алешка нос из-под одеяла. Заревновал.

Оказывается, мама затеяла стирку и ходила по квартире, собирая наши носовые платки.

– Полюбуйся! – мама сунула папе под нос две руки. В одной – зажигалка, в другой – носовой платок с черными окурками.

– Кубинские, – сказал папа. – Очень крепкие, из сигарного табака. Алексей, разве можно курить такие сигареты?

– Ты что-то не то говоришь, – сказала ему мама.

Но папа не обратил внимания на ее слова. Он заинтересовался зажигалкой, щелкнул, прислушался к музыке и произнес загадочное слово:

– «Гаудеамус». А зажигалочка-то фирменная. – Он пригляделся к ней и прочитал вслух гравировку, на которую мы почему-то не обратили внимания: – «Володе Акимову – гордости биофака МГУ, будущему академику, от однокурсников. 01.01.1999 год». Бросай курить, Алексей...

– Гаудеамусом стану? – засмеялся Алешка. – Или академиком?

А мама сказала:

– Мне кажется, отец, что ремень нужен для тебя.

Алешка внес ясность:

– Ма, я не курил, правда. Я это все нашел.

– Нашел бы что-нибудь другое, полезное. И зачем тебе «это все»?

– Объявление напишу. Вознаграждение ведь гарантируется.

– И как ты напишешь? – спросил папа. И подсказал: – «Найдены окурки в количестве шести штук. Верну за приличное вознаграждение в долларах США».

Алешка сначала хихикнул, а потом задумался и серьезно сказал:

– Спасибо, полковник. – Уложил зажигалку вместе с окурками в коробочку из-под конфет и спрятал в стол.

– Вещественные доказательства, – посоветовал папа, – опечатывать положено.

– Сойдет, – отмахнулся Алешка. – Здесь все свои и почти некурящие.

Папа уехал на работу, мама занялась стиркой, а мы отправились в немецкую колонию, где живут немецкие граждане со своими детьми, собаками и машинами. За забором. Да еще и с охраной. С которой, я уже говорил, у нас сложились не самые теплые отношения. Мы как-то забрались туда в тихий вечерок покачаться на качелях, так они целую облаву на нас устроили. Хорошо еще, что мы папе об этом не рассказали. Он ведь тоже их недолюбливает. Я как-то слышал, когда мы с ним проходили вдоль ограды, как он зло вполголоса пробормотал: «Бездельники, холуи. Вас бы в город, в патрульную службу!»

Охранникам там действительно делать нечего. Они только шляются вдоль забора да анекдоты друг другу по рации рассказывают. Ну и ворота и калитки отпирают своим немецким хозяевам.

За этой оградой было немножко скучновато, но и немножко мы им завидовали – такой там был порядок и такая чистота. Все по линейке, даже машины на стоянке стоят, как на параде. А если кто-нибудь выходит погулять с собачкой, то берет с собой веничек и совочек. А собачки ни за что по газонам не бегают. И в детские песочницы не гадят.

Скучновато, конечно. Но и завидно.

За оградой немецкой колонии беззаботно, но аккуратно резвились немецкие дети (кин-деры, по-ихнему): без особого ора, очень организованно, дисциплинированно, чуть ли не строем. Одни из них стояли в очереди, чтобы бросить мяч в баскетбольную корзину; другие, тоже по очереди, пробегали по буму, растопырив руки; четверо гоняли ракетками мячик на корте, а остальные вежливо, но эмоционально болели за них. И было их всего штук двести, не меньше. И где тут этот Фофан – младший сын советника посольства?

Но пока я раздумывал, Алешка взялся за прутья ограды, просунул внутрь голову и свистнул.

Свистеть он умел. В одно мгновение на детской и спортивной площадках возникла полная тишина. И все лица повернулись к нам. Как по команде «Равняйся!».

– Эй! – крикнул Алешка наудачу. – Фофан! Иди сюда!

Я не думал, что на эту странную фамилию кто-нибудь откликнется. Но тут же из очереди к баскетбольному щиту вышел белобрысый паренек Лешкиного возраста и направился к нам. Очередь сомкнулась и пошла своим чередом.

– Их бин Хофман, – сказал паренек. – Вас волен зи?

– А по-русски слабо? – спросил Алешка, пытаясь выдернуть голову, застрявшую между прутьев.

– Не слабо, – скромно похвалился маленький немец и довольно прилично перевел: – Я есть Хофман-младший. Что вы хотел?

– Мы хотел поговорить, – пыхтя пробормотал Алешка. И сказал мне: – Уши прижми.

Я не понял, зачем мне прижимать уши, но послушно это сделал.

– Да не свои уши, Дим! – заорал Алешка. – Мои! Голова обратно не лезет, не видишь?

Тут спохватился один из охранников и медленно, похлопывая себя дубинкой по ноге, направился к нам.

– Застрял? – злорадно спросил он. – Попался? – И протянул было руку, чтобы шелкнуть Алешку в его незащитный лоб.

Но тут маленький скромный немец преобразился. Был цыпленок, а стал боевой петух.

– Хальт! – резко выкрикнул он.

И охранник, испуганно отдернув руку, вытянулся перед ним. Как рядовой перед генералом. И стал что-то, оправдываясь, бормотать, путая немецкие слова с русскими. Немецкие я не понял – я и английские-то уже забывать начал, – а русские были такие:

– Герр Хофман... Я извиняюсь... Им не положено... Орднунг должен быть.

(Орднунг – это по-немецки порядок.)

Хофман-младший что-то еще сказал ему, и охранник грустно побрел к воротам, где стоял второй такой же. Наверное, пожаловаться...

Я тем временем прижал Алешкины уши, и он, крутнув головой, благополучно выскользнул из «капкана».

Хофман-младший просунул руку меж прутьев:

– Клаус.

– Алекс, – ответил Алешка, не теряясь. – Надо поговорить. Пошли в парк.

– Нам не можно гуляйт ваш парк, – отказался Клаус.

– А нам не можно гуляйт у вас.

– Момент. – Клаус на секунду задумался. – Вечер. Семь часов. Калитка. Майн брудер... Мой брат гулять Рекс. Клаус рядом. Яволь?

– Еще какой! – Алешка таинственно повертел головой – нет ли рядом чужих ушей? – и шепотом добавил: – Мы хотел вам помогайт. Интерпол. Понял?

У Клауса стали круглые недоверчивые глаза:

– Интерпол? Такой кляйн... маленький? Такой бывайт?

– У нас и не такой бывайт, – успокоил его Алешка. – Приходи со своим братом Рексом – узнаешь.

Клаус кивнул, еще раз пожал нам руки и побежал на баскетбольную площадку, стал в конец очереди.

– Здорово я по-немецки шпрехал? – похвалился Алешка, когда мы пошли домой.

– Здорово, – признал я. – Особенно «помогайт» и «гуляйт». Правда, с Рексом ты что-то напутал, мне кажется. И с Фофаном тоже.

Старший брат Клауса-младшего был высокий, худой, носатый такой парень (и тоже бело-брысый). Рядом с ним сидела красивая (и тоже немецкая) овчарка.

– Привет, Рекс, – сказал Алешка и протянул парню руку.

Парень с удивлением взглянул на него, а его пес подал Алешке лапу.

Оказалось – старший брат Клауса вовсе не Рекс, как напутал Алешка, а Макс. А Рекс – это как раз овчарка. О чем Макс вежливо пояснил Алешке на приличном русском языке.

– А Фофан кто? – нимало не смутился Алексей.

– Я не знаю этого господина. В чем у вас проблема к моему брату?

– Это у вас проблема, – Алешка сразу взял инициативу в свои руки.

Мы сидели в скверике недалеко от нашего детского сада. Там всю резвилась наша мелкая детвора. Шум стоял, как возле хорошего водопада. Рекс с удивлением и интересом наблюдал, как все это бегало, прыгало, орало, бросалось и смеялось. Он к этому не привык. И, похоже, ему это нравилось. Казалось, что он даже немного им завидует: поскуливает, переминается с лапы на лапу и машет хвостом, как автомобиль «дворником».

– В чем у нас проблема? – уточнил Макс Фофан... то есть Хофман.

– У вас украли деньги...

– Вы их нашли? – он даже привстал и улыбнулся.

– Нет еще, – признался Алешка. – Но скоро найдем. Если вы нам помогайт.

– Каким образом?

– Нам нужно знать, как все случилось.

Макс пожал плечами.

– Никто не знает.

– Клаус знает, – подсказал Алешка, – но по-русски рассказать не может.

– Клаус уже все рассказал. И нам рассказал, и вашей полиции.

– А нам не рассказал.

Макс очень удивился: почему это Клаус должен нам что-то рассказывать, но вида не показал. Воспитанный иностранец. Европейец, как сказал потом Алешка.

– Клаус был дома в одиночестве. Исполнял свое домашнее задание в своей комнате.

– И ничего не заметил?

– Он не отвлекается в сторону, когда исполняет свое домашнее задание. Он держит руки так, – и Макс приложил ладони к ушам.

А Клаус подтвердил это кивком головы.

– И еще Клаус сказал, что мимо окна пролетела большая птица. Удивительная.

Клаус опять кивнул и стал объяснять:

– Это был большой птица, как маленький человек. Он был в штанах.

Макс на эти слова сдержанно улыбнулся, как, видимо, улыбался всякий раз, когда Клаус рассказывал про эту птицу в штанах.

– Если у вас нет других вопросов, – сказал Макс, – мы должны идти в свой дом.

И мы – тоже.

– Вот чудеса, Дим, – задумчиво сказал Алешка, когда мы простились с «Фофанами». – Настоящий Карлсон в наших краях поселился. Ты что-нибудь понимайт?

Я ничего не понимайт. Так и сказал Алешке. По-немецки.

Папа с самого утра был в хорошем настроении – как-никак выходной. И поэтому он не считал оставшиеся до пенсии дни и годы, а долго пил кофе и с удовольствием шелестел газетой. А мама не ворчала на него за это, не гладила по голове, не вздыхала и не мечтала стать птичкой. Она разгадывала кроссворд.

Мы с Алешкой тоже подсели к столу.

– Как дела в школе? – спросил папа из-за газеты.

– Блеск, – сказал Алешка. – Карантин.

– Вот как? – удивилась мама, не отрываясь от кроссворда. – А я и не знала.

Мы переглянулись, Алешка фыркнул в чашку.

– Не брызгай, – сказала мама. – «Лаконичный отрицательный ответ из четырех букв».

Кто знает?

– Нота, – сказал из-за газеты папа.

– Фига, – сказал Алешка в чашку.

– Подошла! – обрадовалась мама.

– Нота? – обрадовался папа.

– Фига, – огорчила его мама.

– Давай дальше, – попросил Алешка. Ему понравилось. – Чего там еще интересенького?

– Очень трудное слово. «Ерунда, глупость».

– А сколько букв? – спросил Алешка, что-то про себя подсчитывая.

– Девять, – сказала мама. – Первая – «с», последняя – «мягкий знак».

– «Супердень», – брякнул Алешка.

Мама вздрогнула, подскочила и сузила глаза.

– Алексей! Где ты этой дряни набрался?

– В телевизоре, – проворчал папа из-за газеты. – Суперкаша, супермама, супердень.

– Пора его выбрасывать, – сказала мама.

– Кого? Алешку?

– Телевизор. И газеты заодно.

– Особенно с кроссвордами, – сказал папа. – Впрочем, в газетах иногда попадается что-нибудь интересное. Вот например, – и он прочитал вслух:

– «На днях в одно из отделений милиции поступило сообщение от гражданина, пожелавшего остаться неизвестным, о готовящемся преступлении. Неустановленный молодой человек подросткового возраста настойчиво пытался выяснить у одного из сотрудников Театра зверей им. Дурова, каким образом можно приучить домашнее животное воровать чужие вещи в виде денег и золотых изделий. Принимаются меры по розыску подозреваемого».

– Чушь, – сказала мама. – Грамотеи. «Воровать чужие вещи». А то бывает, что воруют свои?

– Супердень! – фыркнул Алешка в чашку. Так, что забрызгал каплями кофе всю папину газету.

– Не думаю, – сказал папа, выглянув из-за нее.

С ремонтом у нас все как-то не получалось. Не совпадало. То времени нет, то денег. Появляются деньги – не хватает времени. Есть время – не хватает денег.

На этот раз немного совпало. Немного денег и немного времени.

– Отец, – сказала мама, – давай хоть ребячью комнату приведем в порядок. Обои поклеим.

Папа поморщился.

– Ладно, – согласился он. – Я обои куплю, а вы...

– Обои я давно купила, – обрезала его мама. – И ты прекрасно об этом знаешь.

– А я буду старые обои сдирать! – завопил Алешка.

Как всегда – самое интересное выбрал. И быстрее всех.

– Фига! – сказал папа. – Нота! Я в нашей семье самый высокий...

– Ты самый красивый, – мягко возразила мама, – а самый высокий, то есть самая высокая... Стой, Алексей! Еще рано!

Но было уже поздно. Когда мы его догнали, два полотнища старых обоев вместе с подклеенными под них газетами уже валялись на полу.

– Отступать некуда, – сказал папа. – Продолжайте. – И скрылся в своем кабинете.

Сдирать обои – милое, даже веселое дело. Не то что клеить. Через полчаса в нашей комнате две стены уже оголились, и мы стали спорить, кто понесет лохмотья обоев на помойку. Алешка при этом попутно прочитывал на обороте всякие статьи и заметки в газетах. Интересно же, что творилось в стране несколько лет назад.

Очень интересно!

– Тащи ножницы, Дим! – воскликнул Алешка в большом волнении, не отрывая глаз от какой-то статьи.

Я дал ему ножницы – он аккуратно вырезал какую-то небольшую заметку. Прямо с обоями.

– Читай! – сказал он.

Заметка называлась «Юный рекордсмен». И вот что в ней было написано:

«Вчера на стадионе подмосковного города Раменское состоялись областные соревнования юных авиамоделистов. Победителем стал ученик девятого класса 875-й московской школы Володя Акимов. Его радиоуправляемая модель – копия советского самолета АН-2 – выполнила весь комплекс фигур высшего пилотажа и совершила посадку с такой точностью, будто управлялась опытным пилотом, находящимся в ее кабине.

Это уже четвертая победа Володи (две из них – в общесоюзных соревнованиях), и мы от души поздравляем талантливого конструктора. Так держать, Акимов!»

– Здорово! – согласился я. – Молодец этот Акимов... – И тут до меня дошло!

Я рывком выдвинул ящик Алешкиного стола, достал конфетную коробку...

Точно! Так и есть! «Гордости биофака Володе Акимову...»

– Жаль, – вдруг сказал Алешка.

– Чего тебе жаль? – не понял я.

– Такой талантливый рекордсмен стал мелким жуликом. Употребил свой талант на вредность. – Алешка помолчал, повздыхал – он так всегда делал, когда принимал трудное решение, – и сказал: – Но все равно мы его должны найти. Талантливый жулик еще вреднее, чем дурак.

– Найти... – усмехнулся я. – Его вся московская милиция ищет. И папин Интерпол.

– Он сам нас найдет, – уверенно сказал Алешка и подбросил на ладони зажигалку.

Конечно, можно было бы как-то проникнуть в МГУ, поспрашивать там: мол, вот училась у вас гордость биофака в таком-то году. И где эта гордость проживает? Мы ее зажигалку нашли. «Давайте ее сюда, – ответят нам, – мы сами ее Акимову вернем». И что тут скажешь?

Алешка это сразу сообразил и, вспомнив папины насмешливые слова про окурки и объявление, схватился за красный фломастер: объявления писать. И тут же сунул его мне:

– У тебя почерк лучше. Пиши: «Найдена серебряная зажигалка с музыкой на имя В. Акимова. Вознаграждение не требуется». И телефон напиши. – Взял у меня написанное, проверил: – Ты чей телефон написал, детина?

– Наш. А что? Бонифация надо было?

– Ты соображаешь, Дим? Или у тебя свинка начинается? Нам же за ним следить надо будет! Нам же нельзя ему на глаза показываться! Светиться нельзя, понял? Пиши Ленкин телефон.

– А это не опасно?

– Чего там опасного? Вознаграждение получит, хоть оно и не требуется. Баксов сто.

Я написал еще с десяток объявлений, и мы быстренько расклеили их возле метро, на ближайших остановках троллейбуса и на доме Санька. А потом побежали к Ленке. Обрадовать ее вознаграждением в сто баксов.

Теперь оставалось только ждать.

Нам стало ясно, что никакая это не сова. А какой-то загадочный Карлсон-ворюга со своим хозяином, который посылает его за добычей. Этот хозяин – Володя Акимов, гордость МГУ и будущий академик, – самый настоящий жулик. Но очень талантливый. И он решил таким образом разбогатеть. За счет немецкой колонии.

Но все оказалось не так просто.

И еще одна мысль упрямо возвращалась в мою голову: не тот ли это Академик, который дружит с дядей Степой, батей Санька?

Глава V

Попался, рекордсмен?

Через день нам позвонила Ленка и сказала:

– Радуйтесь! Я сейчас приду.

Мы еле ее дождались. Открыли дверь и сразу потащили в нашу комнату.

– Ой! – сказала Ленка, когда вошла и увидела наши полуголые стены. – Что вы натворили? А родители знают?

– Мы ремонт делаем, – успокоил ее Алешка. – Не отвлекайся.

– Только что мне позвонил приятный молодой человек, вежливый. Поблагодарил меня и сказал, что зайдет сегодня за своей зажигалкой в шесть часов вечера.

– Он не спросил, где ты ее нашла? – поинтересовался я.

– Спросил, – Ленка немного смутилась. – А я растерялась. Вдруг назову то место, где он вовсе и не был. Он тогда что-нибудь заподозрит. И я сказала правду: на крыше. Не надо было?

– Любаша говорила, что в нашем классе ты самая умная девочка, – проворчал Алешка. Любаша – это их учительница. Она не только очень молодая, но и очень маленькая. Ее поэтому так и называет вся школа. – Ты сильно изменилась.

Ленка не обиделась.

– А он не спросил тебя, что ты делала на крыше?

– Спросил, – призналась она. – Я сказала, что искала свою собаку.

Алешка сел, я вскочил. Потом – наоборот.

– Он не удивился? – хихикнул Алешка, когда пришел в себя.

– Не удивился, – улыбнулась Ленка. – Нисколько. У него, наверное, тоже есть собака.

Тут Ленка права. Ей виднее. Она тоже своего громадного Норда, правда, он тогда еще был щенком, разыскала однажды в платяном шкафу. Причем за запертой дверцей.

В это время позвонил Бонифаций. Очень некстати – мне совершенно не светило быстро перевоплотиться из умного Шерлока Холмса в детинушку Скалозуба.

Но мне повезло – ему был нужен Алешка. Оказывается, в связи с карантином обострилась проблема с нашим школьным зверинцем. Его питомцев надо кормить, чистить места содержания и вообще оказывать им знаки внимания – без них наши звери чахнут. И поэтому было принято решение разобрать их на время по домам. Зверей там не так уж много – морские свинки, два попугая, аквариум. Ну и приبلудные мыши. Которые в зверинце не значились, жили в школе сами по себе, обособленно, но время кормления законных обитателей зверинца знали хорошо. И это время не пропускали.

Алешке достался аквариум. Как самому большому знатоку и любителю животных. От мышей он отказался:

– Мышей не возьму. У нас своих полно. И папа их боится.

– Полковник милиции? – изумился Бонифаций. – Боится мышей?

– А что? – заступился за папу Алешка. – Полковник что, по-вашему, не человек, что ли?

Он положил трубку и скомандовал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.